

Слизерин. Он был чертовым Слизерином. Склонив голову, устремив взгляд на пустую тарелку, Гарри пытался осознать всю чудовищность решения Шляпы. Хагрид ведь говорил, что все волшебники, переходящие в Слизерин, заканчивают плохо, не так ли? Что же это означало для Гарри - ведь он и так не был плохим?

("Вечно всё портит... неблагодарный... чудаковатый... странный... ненормальный...")

Но это не так.

Теперь он был зол и даже немного расстроен. Почему чертова Шляпа определила его в чертов Слизерин с чертовым Драко чертовым Малфоем и подальше от всех детей, которые казались хорошими? Даже кустодиевская всезнайка теперь не казалась такой уж плохой, как и незадачливый мальчик с жабой. Да, они были немного раздражающими, но, по крайней мере, не Слизеринцами.

"Уизли, Рональд!"

О боже, что теперь Рон подумает о Гарри? Все надежды на то, что Рон тоже попадет в Слизерин, развеялись с решительным "ГРИФФИНДОР!" Шляпы. Гарри сжал кулаки и попытался успокоить дыхание. Ничего не вышло. Он поднял глаза.

Рон смотрел на него с выражением полнейшего предательства.

("Не думаю, что Рейвенкло было бы слишком плохо, но представь, если бы меня отправили в Слизерин").

Что ж. Это ответило на вопрос. Гарри не осмелился посмотреть на Хагрида: один разочарованный взгляд - это все, что он мог вынести за вечер.

Забини, Блейз, был отсортирован в Слизерин и сел рядом с Гарри. Наконец Сортировка закончилась, и Дамблдор встал, чтобы сказать какую-то ерунду, после чего на столе из ниоткуда появилась еда. Гарри чуть не подпрыгнул.

"Это называется магия, Поттер", - язвительно сказал Малфой. Два огромных мальчика рядом с ним - Крэбб и Грабб - захихикали.

Гарри смерил Малфоя взглядом и почувствовал на себе множество взглядов - подозрительных, недоброжелательных, откровенно любопытных. Ему было знакомо поведение детей: как только мяч будет запущен, начнутся вопросы. Он взял себя в руки и подавил отчаяние, подкрадывающееся к горлу. Сейчас было не время проявлять слабость. Хулиганы сразу же набросятся на него, он знал.

И ему было неприятно осознавать, что здесь все будет так же, как и в его старой школе.

Наверное, глупо было надеяться на что-то другое.

И все же все было по-другому, и Гарри был благодарен за небольшие одолжения. В Слизерине существовали свои правила, негласные правила, которые Гарри усваивал по ходу дела; невидимые узы, связывающие некоторых членов его Дома; темные секреты и шкафы, полные скелетов, но Гарри знал толк в секретах и уж точно был экспертом по шкафам.

Самым очевидным принципом, правящим Слизерином, была власть. Если у тебя была власть, то все было хорошо; если у тебя не было власти, то ты пытался ее получить; а если у тебя не было власти и ты не знал, как ее получить, то самое меньшее, что ты мог сделать, - это скрыть свое невежество и надеяться, что никто не увидит сквозь твой фасад.

Незнание - слабость, знание - сила.

Ведь не зря же Гарри Поттер начал ходить в библиотеку на второй неделе обучения.

Если честно, Гарри не хотел власти. Он не хотел быть задирой, как Малфой или Маркус Флинт, но он хотел быть в безопасности от Малфоев и Маркусов Флинтов Хогвартса, и, в отличие от Дадли, у него был реальный способ достичь этой цели. Поэтому он не высывался, старался не привлекать к себе внимания и проводил большую часть времени в библиотеке, где издевательства были маловероятны.

Ему нужно было многому научиться. Он ничего не знал об обычаях волшебников, об их манере поведения, об истории волшебников и о своем месте в этом запутанном мире связей и союзов. Он почти ничего не знал о своих родителях. Он почти ничего не знал о Волдеморте. Он почти ничего не знал о Хогвартсе.

Если он хотел найти свое место в мире волшебников, все должно было измениться.

Зелья стали его самым нелюбимым классом, а профессор Снейп - самым нелюбимым учителем в первый же вечер, когда преподаватель загнал Гарри в угол и произнес очень грозную речь.

("Непослушание - баловство принца - шатание вокруг - исключение быстрее, чем ты успеешь сказать "Зелья" - слава твоя - слежу за тобой, мальчик").

Гарри был наполовину в ярости, наполовину в ужасе, поэтому позже он не смог вспомнить, что именно сказал профессор, но он понял, что староста ненавидит его и с удовольствием накажет за самое легкое нарушение.

Так что к дверям кабинета зельеварения Гарри подошел в скверном настроении, но утро должно было стать еще хуже.

"Итак, Проныра, я удивлен, что вижу тебя в Хогвартсе... Не думал, что твоя семья может

позволить себе отправить сюда столько вас".

Гарри, очевидно, прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как Малфой издевается над Роном. Рон действительно не виноват в том, что Малфой родился придурком.

"Заткнись, Малфой", - тихо прошипел он на ухо Драко. Он бы предпочел наброситься на мальчика так, чтобы все услышали, но одно из правил Слизерина гласило: всегда представлять единый фронт перед другими Домами. "Он ничего не сделал..."

"Ага, и твой друг Поттер тоже здесь", - неожиданно сказал Рон. Гарри вздрогнул, отшатнувшись от Малфоя. Неужели Рон подумал...?

И вот тут, глядя в мертвой тишине на мальчика, которого еще пять минут назад он мог бы назвать своим другом, Гарри почувствовал, как что-то внутри него замерло. Очевидно, что, попав в Слизерин, он совершил какой-то кардинальный грех. Рон больше не воспринимал его как друга: обиженное, предательское выражение его лица говорило об этом.

("Нет ни одной ведьмы или волшебника, который стал бы плохим и не был бы в Слизерине").

Внезапно увидев себя со стороны, Гарри понял, что стоит на стороне Слизерина в толпе слизеринцев и гриффиндорцев. Рон подумал, что Гарри и Малфой - друзья, потому что Гарри тоже был в Слизерине, как будто это что-то меняло. А разве это что-то меняло? Ненавидеть его или нет, но теперь он был одним из них. Он не мог вернуться назад; он не мог отменить Сортировку, не мог убедить Шляпу.

("Ты можешь стать великим, ты знаешь...")

Это была не его вина. Хуже того, эти дети не были чудовищами. Малфой был занудой, Нотт - надоедливым, Крэбб и Гойл - страшными, а Забини - отстраненным, но они не были злыми. Гарри не завел друзей в Слизерине, нет, но он думал, что дружит с гриффиндорцем - и как быстро это изменилось?

Думать было больно, и Гарри открыл рот, чтобы заговорить.

"Ну что ж, раз уж гриффиндорцы такие друзья, я рискну со Слизерином, спасибо".

Вот так. Он заступился за Слизерин. Мир медленно отклонялся от своей оси.

Он чувствовал на себе настороженные, оценивающие взгляды однокурсников. С замиранием сердца он понял, что Малфой его одобряет.

"Да, Уизли, почему бы тебе не пойти и не уползти обратно в ту дыру, из которой ты вылез..."

сказал Драко.

Гарри не знал, кого из них ему больше хочется ударить.

Рон бросил взгляд на Малфоя. "Заткнись, тупица..."

"Десять баллов с Гриффиндора, мистер Уизли", - сказал профессор Снейп, бесшумно появляясь из класса.

Гарри проигнорировал шипение Рона и ухмылку Малфоя и вошел в класс раньше всех, все еще пылая от гнева. Во время вступительной речи мастера зелий Гарри не вслушивался в слова, а пытался успокоиться.

К концу урока их с Булстроуд зелье для лечения кипения действительно напоминало желаемый результат. Конечно, с зельем Малфоя ничто не могло сравниться, во всяком случае, по словам профессора Снейпа, но Гарри чувствовал удовлетворение от своих усилий.

А на уроке зелий он впервые за последнюю неделю почувствовал огромную благодарность за то, что не стал гриффиндорцем. То, как его староста разрывал бедного мальчика-жабу, ругал властную всезнайку и унижал Рона, заставило Гарри порадоваться, что он смог избежать этой бойни вместе с остальными Слизеринцами.

В конце концов, неважно, что профессор ненавидел его; Слизеринцы были едины на публике.

К счастью.

<http://tl.rulate.ru/book/101377/3483500>